

Евгений Триморук

Деспот

РАССКАЗЫ

Евгений Триморук

Деспот. Рассказы

«Издательские решения»

Триморук Е.

Деспот. Рассказы / Е. Триморук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909638-8

«Деспот» — это сборник рассказов, в котором представлены тексты «искусства для искусства». Проза порой виртуозно вычурна, что многих читателей не должна ни отторгать, ни пугать. Но написано так не ради того, чтобы казаться непонятым. Я искал такие синтаксические и лексические сочетания, которые могут приблизить к удовлетворению собственного стиля выражения — и все.

ISBN 978-5-44-909638-8

© Триморук Е.
© Издательские решения

Содержание

ДРУГОЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Деспот Рассказы

Евгений Триморук

© Евгений Триморук, 2018

ISBN 978-5-4490-9638-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почта: trener200686@mail.ru

ДРУГОЙ

«Каждый имеет право убить другого».

(Из разговора с девственницей).

«Автору следовало бы умереть, закончив книгу».

Умберто Эко.

Со стороны казалось, что они давние знакомые. Присмотрись кто-нибудь из персонала, то, помимо ярлычного «залетные» или «случайные», припомнили, что двое, немало выпившие и изрядно дымящие, отстранились в какой-то неопределенный момент неопределенного времени в неопределенном углу. Никто позже не скажет, как и с кем они объявились в клубе «ТИР». И к тому моменту, как их мог услышать посторонний, стучащий по миниатюрным клавишам, и, видимо вздрагивающий в неоновом свете, идущем от монитора, на резкие выбросы скрипящей музыки, они вплотную подошли к важной, может быть для обоих, теме. Они заговорили об убийстве.

Точнее, заговорил один, другой, мужиковатый, с татуированной стрелой, прикрывающей порез под левым глазом, слушал, перебивая собеседника настолько редко, что его ответы не преодолевали созданный ими пространственный вакуум.

Знаки приветствия, как водится, – и чтобы не вдаваться в подробности, обширные и навязчивые, – давно прошли. Первый момент опьянения преодолен. Поговорили о том, что чаще всего обсуждают взрослые люди. Коснулись различных анекдотических случаев. Зацепили похмельный синдром, наливающийся своей абстрактной плотью и кровью в своих циклически повторяемых и повторяющихся мыслях. Притерлись в откровениях более интимных, где приврав несколько, где недоговорив достаточно; где пошлых, где нежных, где дерзких, где аморальных, где трогательных и где, в общем, скучных и уверенно благих байках. Кое-что приметили. Кое-кого пропустили. О чем-то и вовсе не вспоминали.

В общем, в меру пошловатый, в меру откровенный, в меру искренний разговор. И настолько увлеклись, что как будто даже перестали пьянеть. Отвлеклись от киргизки, неоднократно сойдясь на том, что «они» быстро стареют; от молдаванки, как будто видящей в мужике рабочего ишака; от русской, не отличающейся вкусом и опрятностью. Оценили, прихвастнули, сравнили, прикинули, завлечь ли красиво, или с претензией, как бы между словом, вновь провозжая и упуская их из виду. Приметили двух «студенток», то хихикающих, то поумному поглядывающих на других.

Более солидные представительницы по-детски улыбались или вели себя смиренно.

Затянулись, выпили, закусили, забыли.

Естественный, тот, который зачастую говорил за них обоих, который относится к одному из типов гостей, по обыкновению знающих весь персонал и прочих посетителей, прочитав нацарапанную на поверхности стола надпись с исчезающими многоточиями, про себя обозвал своего собеседника «Этон».

Отстранившись в сторону, чтобы рассмотреть себя в зеркале, находившееся за спиной «приятеля», мысленно улыбнулся, словно осознавая, что, во всяком случае, ведет монолог с самим собой, если напоминать себе, что за массивной фактурой напротив находится его собственное улыбчивое отражение.

«Так вот, – разливал он водку на две трети рюмки, – представь себе самого грязного, гадкого, самого мерзкого человека на свете, внешность которого и поступки полностью соответствуют его отрицательной сущности. Некоторые, как бы их назвать, пытались создать абсолютно положительный, идеальный, собственно, персонаж. Многие знают, что большинство героев сами по себе отрицательные. Если подумать, то преподавать стоит только... – Слегка

поперхнулся. – Но в любом случае, выпьем, – осушил, закусил, затаился, – в любом случае, по-настоящему отрицательного героя нет. То ли в силу того, что автору, да, не хватает воли, то ли попросту персонаж наделен стандартной совестью. Без чрезмерно избыточной фантазии здесь не обойтись. Создать героя без совести очень сложно».

Подошедшая официант, слегка наклонившись, предложила повторить. Естественный, чтобы ее и себя больше не отвлекать, заказал бутылку «Статичной», отметив, чтобы принесли непечатую; попросил несколько порций лимона, клюквенный морс и томатного сока на всякий случай. (Любил запивать). Замысловатым жестом официанту обозначил, что соль кончилась. Девушка кивнула.

Естественный бросил несколько незначительных реплик, кинул несколько двусмысленный взгляд на ее полуобнаженную грудь, и ухмыльнулся ей удаляющейся, пока пьяная фигура, затесавшись между ними, не прервала и без того тонкую грань чистого воображения¹.

«Так о чем я? – Разливал он оставшееся с прошлого раза. – Нужно оправдание. Иначе неувязка. Как это человек может стать не человеком без видимых причин? Да хоть и невидимых. А они должны быть. И под это «они» может подпадать что угодно. Тяжелое детство, первая любовь, психологическая травма, крушение грез, неудачный брак, нелепый развод, и т. д. и т. п. Перечислять можно до бесконечности. Возьмем стереотипный вариант, так сказать, горевудский. Выпьем. – Оглушил, запил, подкурил. – Возьмем, и опять же, это все условность, тихого и серого семьянина, обожающего свою жену и детей. Живущего в этом уюте и довольстве. К примеру, достаточно усидчивого, чтобы считаться хирургом, химиком, или инженером, или, на худой конец, программистом. Говорю же, – затаился, – стандартная ситуация. Но не суть. Не это важно. Это платформа. Предисловие. Фасад. – Осмотрел зал. Бармен что-то нашептывал русской официантке, на что та, сдерживаясь, хихикнула, обнаружив на себе строгий взгляд менеджера. – Жена как жена. Дети как дети. – Продолжал, почти не задумываясь, или отстраняясь по ходу дела на что-то свое, невыраженное. – Его оболочка. Его халат. Его диван. – И словно бы проснувшись. – Я говорил, что вещь назвал «Цикл»? Нет. – Словно бы прочитал мысли, предупредительно тут же заявляя:

– И нет. Я не пытался опубликовать. То самое начало, которое я тебе вскользь набросал, мне кажется слишком фривольным, да и вообще, очень сомнительным. Хотя чего здесь сомнительного только нет. Каждый бордюр, каждый закоулок здесь вызывает сомнение. Да и персонаж в целом. – Выпустил дым, затаился. – Дилеммочка. Персонаж выдуман, значит, он не реален. Он может быть правдоподобен. Но воспринимают его как настоящего. А чрезмерная его отрицательность окажется на грани беллетристической фантастики. Но это, – он вновь разлил, – мелкие шероховатости. В общем, взрыв. Катастрофа. Авария. Что угодно, что позволяет осознать, что мечта о долгой и счастливой жизни разрушена. Вдарим».

Естественный выпивал, и все больше задумывался, уходя в состояние чистого творчества, когда никакой шум, никакие толчки не смогли бы его отвлечь. Когда в неопределенном месте неопределенное время становились безличными.

Этон смотрел на него. Курил.

Естественный попал в ту свою удобную гармонию, которой ему не хотелось нарушать.

Заменили пепельницу.

Этон указал, чтобы принесли вторую.

«Представь человека с разрушенной психикой. Со сплошной холодной звериной логикой, в котором не осталось, не сохранилось никаких ценностей. Который не думает вообще о других. Нет других, и все. Других попросту не существует. Остался только он, со стран-

¹ И словно молотом незнакомец пробил его мозг, словно проткнул острым предметом, выкрикнув, приподнимая кепку в знак одобрения тому, у кого только что стрельнул сигарету, и который мелькнул слабой тенью за обзором камерного взора Естественного: «Я тебя всегда уважал». Наблюдатель усмехнулся не прощитому до логического завершения шапочному знакомству, которое длилось меньше, чем Естественный успел затушить окурок.

ным хранителем его жизни. – Открыл бутылку. Разлил ровно на одну треть. – Хех-краус. Как в аптеке. Я понимаю, что это сложно представить. Много условностей. Много нитей, не связанных между собой. Много нюансов. Противоречий. Но их исправить... – Выпил, не приглашая и не предлагая. Скривился, закусив лимоном. Выразился. – Ядрёнская, чтоб ее.

– Он, наш другой человек, отворачивается от всех. Прячется. И все от него отворачиваются. Не нужен он никому. Злой человек. Не просит о помощи. Не ждет. И родни у него нет. Злой, как иначе. О, пошла. И по странной благосклонности системы в довесок попадает на зону. Дура lex... Зверь в яме. Зверь просыпается. Зверя пытаются сломить... А зубки-то цепкие. Там он и убивает первого человека, вцепившись ему в глотку. Обезумевший. Кричащий. Окровавленный. И представить эту картину я оставлю за тобой. Конечно, можно было бы описать, как он мучается, как он страдает. Но у него нет времени. Какой-то каратель без примеси счастливого happy and. Его закидывают в палату после изнурительного карцера. И вот первая авторская загвоздка. Психотропные вещества... Одиночная палата. Это любого ломает физически и психически. Будет ли следующая жертва? Ведь кругом все такие «хорошие», такие «замечательные». И как без жалости? Все-таки человек – это существо сострадательное. Как тут не поддаться искушению «всех простить»? Но это у автора... У героя этого нет. Это ведь отчаяние. А в приступах отчаяния человек на многое... Как бы сказать вернее? И тут некоторая ремарка: как этот, Ессей, кажется, мог находить связь со вселенной математики, физики ли, не суть важно, так и наш герой умеет входить во вселенную отчаяния. Сознательно. По собственному усмотрению. Он в состоянии постоянного напряжения. И, по сути, в нем просыпаются маниакальные инстинкты, когда он вырезает весь персонал на этаже. Когда насилует медсестру и женщину-врача. Да, ничто не чуждо. Здесь вообще черта, когда герою уже никто не сопереживает. В том-то и дело, чтобы не было света в конце туннеля. И все-таки и все-таки. Когда не оставляет живого места, орудуя вилкой, на дежурном санитаре. И, приведя себя в порядок, в спокойном беспокойстве ложится у себя в палате. Естественно, тут следуют подробные описания, как он на это решился. Естественно, хочется его оправдать. И невозможно в тоже время. Он страшнее зверя. И право представить массовую картину истязания я вновь оставлю за тобой. Зачем описывать, как выглядела первая жертва? Я, к примеру, вижу пиявочного мелкого дурака, инструмент чужой воли. Небритого. Худого. Беззубого. Вдавливающего свою правду и правоту в бестолковые головы. Как выглядела медсестра? Забитая маленькая стерва, обвиняющая во всех своих неудачах какую-то абстрактную судьбу. Санитары, заламывающие руки за спину, чувствующие йоту своей власти. Киношная сцена. Но уж так повелось... И что делать с таким монстром, как его обуздать при отсутствии смертельной казни? По киношному, его закрывают в одиночку, привязывают ремнями и кормят из трубочки. – Отстраненная улыбка. Очередная сигарета. – А мозг-то работает. А сфера отчаяния открыта. К тому же одиночество расширяет возможности памяти. Давно прочитанной книги. Случайно замеченной статьи... – Наливает. Оценивает. – Я, может быть, хотел бы в какой-то степени извиниться за вставления, за вкрапления, за некоторые дополнения. Но о них по ходу дела, и тела, забываешь. Вовремя не успеваешь их обозначить. Некоторые приходят опосля. Своеобразный живой роман, который не написан ведь вовсе, т.е. не омертвел на страницах очередной книжонки. И все-таки стоит сказать, что помимо оправдания, есть еще и чувство вины, присущее многим людям, утративших родных и близких. Не в том месте оказались, не в то время. «А если бы сделал так». «А если бы сказал эдак». «А если бы не это и не то». У моего героя нет чувства вины изначально, уже изначально. Виноваты другие. Потому что живы. Потому что... Да этого, пожалуй, и хватит. Виновны они вообще в своем жалком существовании. Вздрогнем. Ух-ядренева. Каждый автор должен быть иностранцем. Если бы я решился написать вторую вещь, после «Цикла», про самого отрицательного героя в мире, естественно, в ней убийств обозначил бы на порядок меньше, то назвал бы попросту «Иностранец. Версия 3:0», подразумевая и себя, и героя...»

Минуты затишья в то неопределенное время, когда заполнялось кафе посетителями, становились продолжительнее. Прежнюю официантку сменила новая, успевшая незаметно протереть стол, поменять обе пепельницы и принести пачку сигарет «Монте-Кристо» и «Лектор».

«Много условностей. – Продолжал Естественный. – Много подставок и подтасовок. – Лучше зови меня Ес. – Это ведь вымысел. И обстоятельства делаешь постановочными. И людей, и даже минуты, как в сцене со взрывчаткой, готовой детонировать, когда остается одна-две секунды на счетчике, на табло, красными цифрами застывшие перед глазами зрителей, и герои благополучно спасают заложников. Чушь. Как и ляпы с быстрым включением компьютеров. И когда персонажа все-таки относительно освобождают из одиночной палаты, – резко продолжил Ес, – из больницы, решив, что он вполне «безобиден»... Пора бы его уже обозвать, – вновь сделал Ес переход, чувствуя, что забывает, на чем остановился, утрачивая логику повествования. – Циклоп? Одноглазый уродец. Циклон? Вообще, нечто безликое, хоть и устрашающее. Ци-клоп, – растянул он. – Удачно. Почти по-украински: это – клоп. И не очень удачно. – Завершил он. – А, – махнул рукой, ослепшими глазами ища на столе бутылку. – Проще говоря, то ли камера не та, то ли напугали байками о его безумии, но относительно до ночи они ведут себя спокойно, искоса поглядывая за ним, и относительно спокойно не проснувшись утром в связи с невозможностью дышать в отсутствие гортани. – Затягивается. Нервно тушит сигарету. Поправляет неподвластный окурок. – И грубо. И вульгарно. И размыто. А ведь идея по-человечески звериная. Или по-звериному человеческая. Когда над человеком никого нет, на что он способен? Вдруг в нем просыпается логика того, что он видит кругом, без домыслов, без мистицизма, без непонятных условностей надежд и веры. На что тогда решится человек? И будет ли его решение актом решительности? Может, это акт свободы, когда ты можешь делать все, независимо от чужих правил и настроений, от заключений и утверждений? Когда вдруг ты смог освободиться от догм и доктрин, когда ты видишь природу человека как чистое поле, без заборов и тропинок? Что тогда? Естественно, все это фантазия, и даже не миф. Попросту такое даже сложно вообразить. Каждый человек интегрирован в ту систему, в которой он родился и воспитывался, даже если он сирота. У каждого свое восприятие и правды, и поведения. Все остальное шоры и кандалы. И только в воображении я могу себе позволить от них избавиться. Но что будет, если и туда влезут? В целом, как мне кажется, туда доступ попросту закрыт, потому что всегда есть те, кто контролирует такие возможности. Посмотрим кругом. Мы оцениваем официанток, барменов, клуб или что это? Кафе. И ведь порою забываем или не осознаем, что у той девушки наверняка есть ребенок, которому нужен отец и хорошее воспитание вообще. А мать ограничивает его абстрактными комментариями: повзрослеешь поймешь, тебе еще рано, отстань. Бармен кадрит ее. А ей нравятся менеджер, который женат, но ему интересно, насколько мы сегодня посидим. И это так просто и нормально, но мы забываем, что есть другие люди со своими чувствами и переживаниями. Может, в этому суть человека: не забывать, что есть другие люди? И опять же открывается вторая сторона: некоторые прекрасно знают присутствие других людей и их заботы, чем и безусловно пользуются. – Ес взгрустнул. – И прежний безумец, – это неправдоподобно, если честно, – в некоторой недобожественной позе восседает на верхней шконке, или как там обызывают лежанки, и с тою же невозмутимостью успеваешь вонзить два пера в охрану, ворвавшейся так бесцеремонно в его владения. По логике, его давно должны отправить куда подальше. – Совсем окосел. – Я к тому, что монстра очень сложно создать даже на страницах произведения. Такое ощущение, что сам задыхаешься. Я пытался написать отрывок, да, как-то самому страшно стало. А чтобы это воплотить в реальность – еще страшнее. Поэтому, если бы получилось, то хотя бы фильм снять. Или, как сейчас, набросать его, так сказать, портрет. Вдруг ужас сотрется. Исчерпает себя. Но система на то и система, что в ней есть дыры. Есть неувязки. И этой неувязкой стал суд. Естественно, – произнес Естественный, – его, Цика, упаковали, загримировали и привезли. И вот самый большой пробел, самый нелепый момент, потому

что Цик сбегает. Человеческий фактор тем и недостаточен, что он слишком человеческий. Он хочет есть, спать, зевать и отвлекаться. Не хочет работать. Не хочет ползать в грязи и рыскать по канавам. Он находится в атмосфере собственного уюта. Он в пассивном, т.е. бесконфликтном, зародыше – и то громко сказано – состоянии своей куколки. Его не задень. Его не затронь. Он трезв. Он не желает затрачивать свои силы на машину. (Только когда человек пьян, он буйствует, он расправляет свой куцый хвост, чтобы покрасоваться, чтобы похрабриться). Тут же дело в том, что среди иных хвостов твой окажется серым и блеклым. Не выделишься. А из безликости нет иного выхода, как сохраниться в ней. У Цика немного иначе. У него напряженное состояние отчаяния, когда ему нечего терять. Когда двухметровый забор можно перепрыгнуть. Когда можно забраться в какой-то заброшенный подвал. Проскользнуть на какую-то дикую стройку. Уйти в переулок. В любой подъезд при удачном обращении к соседям, что, мол, ключи забыл от пятидесят первой квартиры, или попросту заскочил на праздник, и желает сделать им сюрприз. Даже если одна дверь откажет, есть еще девять этажей того же подъезда. Есть еще семь подъездов этого же дома. Есть еще семь подобных жилых зданий в одном дворе. И дворов примерно целая дюжина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.